

Ольга Ефимова

Идеальная няня

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Ефимова
Идеальная няня

«Автор»

2026

Ефимова О.

Идеальная няня / О. Ефимова — «Автор», 2026

Ей 29 лет. Она идеально гладит рубашки, знает три языка, а дети обожают её больше родной матери. Тихая гувернантка в очках и тугим пучком — никто не догадывается, что три года назад её настоящая фамилия была Де Лоренц. Она — единственная выжившая после резни, в которой погибла вся её семья. Коллеги шепчутся о её судимости за мошенничество. Полицейские друзья хозяина находят старую фотографию яркой блондинки в наручниках. Все уверены: дочь покойного итальянского мафиози прячется от убийц. Она охотится. Три года она ждала. Работа в этом доме — не случайность: её работодатель — деловой партнёр человека, уничтожившего её семью. Она уже скопировала ключи, подшила бумаги и приготовила смертельный аллерген. Сегодня, когда хозяева уедут на выходные, она наконец встретится с гостем. Его настоящее имя — Андреа Де Лука. Идеальная няня снимет очки, распустит пучок и улыбнётся своему отражению. За её спиной мирно спит ребёнок, за которого она готова умереть. Но сегодня умрёт Андреа.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Та, кого не замечают	8
Глава 2. Этикет и чужие тайны	16
Глава 3. Обед для двоих	22
Глава 4. Шепот в комнате для прислуги	28
Глава 5. Человек вчерашнего дня	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ольга Ефимова

Идеальная няня

Пролог

Четверг, 6:47 утра. Резиденция Гордеевых, Рублёво-Успенское шоссе.

Она всегда просыпалась за сорок минут до будильника.

Это не было бессонницей. Это была привычка, вбитая в кровь ещё в той жизни, о которой Ника Иванова предпочитала не думать. Три года тренировок: проснуться, замереть, просканировать звуки. Где-то на первом этаже гудит вентиляция котельной — старая, с дребезжащей прокладкой, её надо будет заменить к зиме. За стеной, в спальне хозяев, тихо — Елена Аркадьевна принимает снотворное, Михаил Аркадьевич храпит ровно, как заводной. В детской Соня дышит через рот — сегодня ей снова снится что-то тревожное, возможно, тот сон про упавшую лошадь.

Ника открыла глаза.

Потолок в её комнате был идеально белым. Не потому, что Гордеевы тратились на дорогую краску, а потому что Ника сама забелила трещину у батареи прошлой осенью, когда Елена уехала на спа-курорт. Хозяева не знали. Хозяевам не нужно было знать.

Она села на кровати, поправила сползшие очки — дешёвый пластик, толстые стёкла, которые делали её глаза большими и немного глуповатыми, как у испуганной совы. Волосы, собранные в тугий пучок на затылке, за ночь почти не растрепались — она закалывала их двадцатью невидимками, чтобы ни один светлый волосок не выбился. Идеальная гувернантка не может выглядеть небрежно.

Идеальная гувернантка вообще не должна привлекать внимания.

Ника надела форменное платье — тёмно-синее, до колена, с длинным рукавом, скрывавшим татуировку на левом запястье. Три иероглифа, которые она выбила в восемнадцать лет в салоне на окраине Неаполя. Сейчас они были закрыты плотной тканью. Как и всё остальное.

Ванная комната находилась в конце коридора — общая для прислуги, и Ника умылась под шум воды, стараясь не смотреть в зеркало. В зеркале отражалась женщина, которую она создавала три года: бледная, незаметная, с вечно опущенными глазами и лёгкой сутулостью, которая делала её ниже ростом. Очки прятали цвет глаз — серо-зелёный, слишком яркий для серой мыши. Пучок убивал любую намёк на женственность.

Идеально.

Она спустилась на кухню в 7:05, когда повариха Зинаида Павловна только ставила чайник.

— О, наша тихоня уже тут, — Зинаида Павловна говорила с нарочитой приветливостью, которая не скрывала за собой ничего, кроме обычной человеческой брезгливости к тем, кто ниже по статусу. — Рубашки ждёшь?

— Доброе утро, Зинаида Павловна, — голос Ники был тихим, ровным, без эмоций. — Михаил Аркадьевич просил погладить синюю рубашку к восьми.

— Эта синяя, что ли? — повариха кивнула на стопку белья у гладильной доски. — Ты смотри, там пятно на манжете. Елена Аркадьевна вчера вино пролила, когда скандалили.

Ника не спросила, из-за чего скандалили. Спрашивать было не её ролью. Она взяла рубашку, проверила ткань — тонкий египетский хлопок, ручная работа, пуговицы из перламутра. Пятно от красного вина на левом манжете, уже въевшееся.

Меньше чем за минуту она сообразила состав: глицерин, желток, уксус. Ника открыла шкафчик, достала ингредиенты, не глядя смешала в керамической миске.

— Это ты чего делаешь? — Зинаида Павловна выглянула из-за плиты.

— Выводитель пятен. Без отбеливателя, чтобы не повредить краску.

Повариха фыркнула. «Мохнатая лапа, а туда же, с химией возится». Ника сделала вид, что не слышит. Она слышала всё. Каждое слово, каждый вздох, каждый скрип половиц в этом доме. Три года она собирала информацию, как грибы — незаметно, терпеливо, без единой ошибки.

Рубашка была готова к 7:43. Ника разгладила каждый миллиметр, сложила так, как любил Михаил Аркадьевич — рукава внахлест, воротник под углом ровно девяносто градусов. Повесила на плечики, отнесла в гардеробную хозяина. По пути встретила горничную Катю, которая вытирала пыль в коридоре.

— Ник, ты слышала новость? — Катя говорила шёпотом, стреляя глазами в сторону спальни хозяев. — У них сегодня важный гость приезжает. Какой-то итальянец. Сам Михаил Аркадьевич из аэропорта встречает.

Ника почувствовала, как холодная игла вошла под рёбра ровно на миллиметр. Этого не заметил бы никто. Её лицо осталось спокойным, вежливым, чуть рассеянным.

— Да ну? — спросила она ровным тоном. — А когда?

— Завтра говорят. Или послезавтра. Суббота, короче. Елена Аркадьевна уже в истерике — велела переставить всю мебель в гостевой спальне. Ты бы помогла, а?

— Я с детьми. Соня не любит, когда её распорядок меняют.

Ника прошла мимо, и только когда за спиной захлопнулась дверь в детскую, позволила себе выдохнуть. Дыхание было ровным, но внутри — там, где никто никогда не увидит — сердце стучало как бешеное.

Андреа Де Лука.

Она знала, что он приедет. Ждала этого три года, девять месяцев и двенадцать дней. С тех пор как переступила порог этого дома, зная, что хозяин — деловой партнёр клана Де Лука, что через Гордеева идут контракты, деньги, оружие. Она не выбирала случайных работодателей. Она выбрала их.

Но услышать имя — это всё равно, что получить удар под дых. Даже после сотен тренировок.

Соня уже проснулась — семилетняя девочка с косичками и характером, который мог свалить с ног быка. Она сидела на кровати, надув губы.

— Ника, я не хочу сегодня французский.

— Здравствуй, Сонечка, — Ника присела на край кровати, поправила одеяло. — А что ты хочешь?

— Хочу в кино. Или чтобы ты рассказывала сказку. Про принцессу, которая всех победила.

— Принцессы обычно не побеждают. Они ждут принцев.

— А моя будет побеждать, — Соня упрямо сложила руки. — И ты будешь её фрейлиной.

Ника улыбнулась. Это была единственная настоящая улыбка за день — мягкая, тёплая, без расчёта. Она любила эту девочку. Этого Ника не планировала. Это была ошибка, которую она не могла себе позволить, но ничего не могла с собой поделать.

— Хорошо. Но сначала французский, потом сказка. Договорились?

— Договорились, — Соня чмокнула её в щёку и побежала умываться.

Ника осталась в детской на несколько секунд. Села в кресло-качалку, которое стояло у окна, и посмотрела на сад. Сентябрьское утро было серым, но спокойным. Где-то там, за забором, за шоссе, за этим городом, её прошлое ждало, когда она его настигнет.

Она поправила очки, и мир снова стал чуть расплывчатым, чуть уютным. Врачи говорили, что у неё идеальное зрение. Очки были линзами без диоптрий — просто аксессуар, часть маски.

8:15. Большая столовая.

Семья Гордеевых завтракала в тишине, нарушаемой только звоном вилок о фарфор. Елена Аркадьевна, высокая брюнетка за сорок, с лицом, тронутым ботоксом и усталостью, пила зелёный чай и листала айпад. Михаил Аркадьевич, крупный мужчина с сединой на висках, ел яичницу и почти не поднимал глаз.

Ника стояла у серванта, готовая подать что угодно. Она была частью интерьера — как шкаф или картина. Мебель, которая знает этикет.

— Ника, Соня сегодня на логопеда не идёт, — сказала Елена, не отрываясь от экрана. — У неё температура. Я измерила — тридцать семь и две.

— Я присмотрю, Елена Аркадьевна. Травяной чай с мёдом?

— Делайте что хотите, только чтобы не ныла.

Михаил Аркадьевич поднял взгляд. Посмотрел на Нику как-то странно — дольше, чем обычно. Она почувствовала этот взгляд спиной, но не обернулась.

— Ника, у вас есть семья в Москве? — спросил он внезапно.

Тишина стала тяжёлой. Елена оторвалась от айпада и уставилась на мужа.

— Миша, зачем ты спрашиваешь?

— Просто интересно. Три года работает, а мы ничего о ней не знаем.

Ника повернулась, сложив руки перед собой. Лицо — спокойная вежливость, лёгкое смущение.

— Мои родители давно умерли, Михаил Аркадьевич. Других родственников в России нет. Я одна.

— А где вы учились языкам? — не унимался он. — Английский, французский и итальянский — это не в педагогическом институте дают.

— Я выросла в интеллигентной семье. Мама была переводчицей, — Ника говорила правду. Не всю, но правду. Её мать действительно была переводчицей. Для клана Де Лоренц. Но об этом не обязательно знать.

Елена кашлянула — требовательно, со значением. Михаил отвёл глаза, уткнулся в тарелку.

— Ладно, идите, занимайтесь ребёнком.

Ника кивнула и вышла, чувствуя, как взгляд Михаила снова впивается в спину. Это было опасно. Внимание хозяина — это всегда опасно. Он не должен был её замечать. Никто не должен был её замечать.

Глава 1. Та, кого не замечают

Четверг, 14:30. Детская комната, особняк Гордеевых.

Ника сидела на ковре, скрестив ноги, и помогала Соне собирать пазл. Тысяча фрагментов, замок на скале, море и чайки. Соня уже устала и тыкала детали куда попало, но Ника терпеливо направляла её пальцы.

— Смотри, Сонечка. У этого краешка ровная сторона — значит, он должен быть по границе. А этот с двумя выпуклостями — внутренний.

— Откуда ты всё знаешь? — Соня откинулась на подушки, разглядывая няню с прищуром. — Ты как робот. Всегда правильная.

Ника улыбнулась краешком губ.

— Я просто тренировалась много лет.

— А ты была маленькой? — Соня придвинулась ближе. — У тебя была няня?

Вопрос кольнул под рёбра, но Ника не позволила боли отразиться на лице. Она перевернула очередную деталь, подыскивая подходящее место.

— Была. Её звали синьора Розетта. Она пахла мятой и всегда носила с собой леденцы.

— А где она сейчас?

— Умерла, — сказала Ника ровно. — Давно.

Это была правда. Синьора Розетта умерла за месяц до той ночи. Сердечный приступ. Иногда Ника думала, что это к лучшему — старушка не пережила бы бойни, и Алессандра Де Лоренц оплакивала её как единственного человека, кто ушёл своей смертью.

Соня надула губы, но переспрашивать не стала. Дети чувствуют границы, за которые нельзя заходить. А Ника была мастером этих границ.

— А у тебя есть парень? — спросила Соня вдруг.

Ника едва не рассмеялась.

— Сонечка, откуда такие вопросы?

— Мама говорит, что ты старая дева и поэтому такая злая. Но ты не злая. Ты добрая. Просто грустная иногда.

Елена Аркадьевна обсуждает её с ребёнком. Типично. Ника запомнила эту деталь, как сотни других. Елена её недолюбливает. Это хорошо — меньше вероятности, что заметит что-то неладное. Презрение делает людей слепыми.

— У меня нет парня, Соня. Я пока не готова.

— А когда будешь готова?

— Когда закончу одно важное дело, — Ника посмотрела на часы на стене — полтретьего. Скоро приедет Михаил Аркадьевич с деловой встречи, и начнётся обычный ритуал: кофе в кабинет, отчёт по Соне, пара ничего не значащих фраз.

Она уже научилась читать Михаила Аркадьевича. Когда он возвращается довольный, то дарит ей цветы (через прислугу, не лично). Когда расстроен — не замечает вообще. Но в последние месяцы он стал задерживать взгляд. Это было опасно. Не потому, что Ника могла влюбиться — её сердце было законсервировано, запечатано в свинцовый контейнер и выброшено в море три года назад. Опасно потому, что внимание хозяина привлекает внимание хозяйки. А Елена в последнее время смотрела на Нику как на конкурентку, хотя для этого не было ни малейших оснований.

За исключением того, что Михаил Аркадьевич стал здороваться с Никой за руку. И один раз, месяц назад, спросил у неё, не хочет ли она пройти курсы повышения квалификации за его счёт.

Ника отказалась вежливо, но твёрдо.

«Я на своём месте, Михаил Аркадьевич. Спасибо».

Она была на своём месте. Ключевом.

15:10. Первый этаж, прихожая.

Раздался звук открывающейся входной двери. Ника стояла у лестницы с Соней на руках (девочка притворялась спящей, чтобы не идти на логопеда, но Ника не разоблачала её — логопед действительно был вредной женщиной).

Михаил Аркадьевич вошел не один. С ним был мужчина в штатском, но с выправкой, которую невозможно спутать — полицейский, и не рядовой, а с погонами как минимум майора. Короткая стрижка, кожаная куртка, несмотря на тепло, на поясе — кобура, которую он даже не пытался скрывать. Друг? Или проверка?

Ника поставила Соню на пол, та сделала вид, что проснулась.

— Папа!

— Здравствуй, Соня, — Михаил чмокнул дочь в макушку, кивнул Нике, представляя спутника. — Это Макс, мой старый приятель. Побудет пару дней.

Макс окинул Нику быстрым, оценивающим взглядом. Такие взгляды она знала хорошо — привычка оперативника сразу считывать угрозу. Она ответила скромной улыбкой и полупоклоном.

— Очень приятно. Я Ника, гувернантка.

— Наслышан, — голос у Макса был низкий, с хрипотцой. — Миша говорит, вы чудо какое-то. Ребёнок вас обожает, рубашки гладите как в ателье.

— Стараюсь.

— Вот и отлично. Мы с Мишей в кабинет, перекурить.

Они ушли, а Ника проводила Макса взглядом. Полицейский. Не просто друг — судя по манере держаться, из органов, возможно, даже из тех, кто работает с экономическими преступлениями. Или с организованной преступностью. Сердце ударило чаще, но Ника подавила реакцию.

Интересно, зачем он здесь? Гость на несколько дней — значит, будет ночевать. Гостевая спальня напротив её комнаты. Ещё один человек, который может заметить лишнее.

Она увела Соню на кухню пить какао и заодно подслушала разговор, стоя у кофемашины. Дверь в кабинет была притворена неплотно, и голоса доносились обрывками.

— ...на этой неделе подпишут, — это Михаил. — Я тебя не для того звал, чтобы ты меня отговаривал.

— Я тебя затем звал, чтобы ты голову не терял, — Макс. — Де Лука — это серьёзный риск. Ты его историю знаешь? Три года назад клан Де Лоренц вырезали почти полностью. Кто остался — те молчат как рыбы.

— Это не моё дело. Мне нужны контракты.

— Де Лука носит кровь на руках, Миша. Ты ввязываешься...

Ника сделала себе пометку: *Макс не в курсе о делах Михаила? Или просто делает вид?* Второе вероятнее. Полицейский, который ночует в доме бизнесмена с итальянскими связями, — либо прикрытое, либо ловушка. Но для неё это не имело значения. Её цель — Андреа, а не местные разборки.

Она приготовила кофе — двойной эспрессо для Михаила, чёрный чай для Макса — и понесла в кабинет.

15:25. Кабинет Михаила.

Пахло кожей, табаком и дорогим деревом. Макс сидел в кресле у камина, расстегнув куртку, но оружия не снимал. Михаил стоял у окна, повернувшись к гостю спиной.

Ника поставила поднос на стол, разлила напитки.

— Спасибо, Ника, — Михаил обернулся, и его взгляд снова задержался на ней дольше, чем следовало. — Вы сегодня выходной брали? Отдыхали?

— Нет, Михаил Аркадьевич. Я с Соней. Мы пазл собирали.

— Вам надо отдыхать. Я говорил Елене, чтобы она наняла вторую няню, но она...

— Мне не нужна помощь. Я справляюсь.

Макс наблюдал за этим диалогом с лёгким любопытством. Ника почувствовала его взгляд — профессиональный, раздевающий, но не в сексуальном смысле, а в смысле «из чего ты сделана». Она выдержала его спокойно, опустила глаза, поправила очки.

— Вы позволите, я пойду? Соню надо укладывать на тихий час.

— Да-да, идите.

Когда она вышла и закрыла дверь, Макс тихо сказал:

— Хороша. И не только рубашки гладит.

— Не начинай, — ответил Михаил. — Она из другого теста. Тихая, скромная. Работница — золото.

— Слишком тихая, — заметил Макс. — Такие обычно что-то прячут.

Ника не слышала этого разговора. Но она знала, что такие разговоры ведутся. Всегда. Тихие люди вызывают подозрение именно потому, что не совершают ошибок. А она не совершала ошибок три года.

Кроме одной.

Она не должна была позволять себе привязываться к Соне. Но это случилось в первый же месяц, когда девочка, которой тогда было четыре года, обняла её за шею и сказала: «Ты лучше мамы». С тех пор Ника каждый день боролась с желанием взять Соню и исчезнуть. Не потому, что это входило в план. А потому, что это единственное, чего ей хотелось по-настоящему.

Но месть была важнее.

17:00. Кухня, время ужина.

Зинаида Павловна колдовала над соусом, Катя протирала люстру. Ника чистила яблоки для детского пюре — Соня капризничала и не хотела, есть овощи, но яблоки с морковью шли на ура.

— Ник, а правда, что ты в Италии жила? — спросила Катя, замирая с тряпкой в руке. — Мне горничная из посольства рассказывала, она тебя видела в каких-то списках.

Ника не изменилась в лице.

— Я не жила в Италии. Я учила итальянский по книгам.

— А почему у тебя акцент такой смешной? Не похоже на нашу речь.

— Долго жила на юге России. Диалект.

Враньё должно быть скучным и последовательным. Ника отрепетировала эту легенду: родилась в Саратове, мать — переводчица, отец — инженер, училась в педагогическом, работала в частных школах, приехала в Москву пять лет назад. Про Италию — ни слова. Про мошенничество — официально судимость была погашена, но слухи остались.

— А я слышала, — Зинаида Павловна не повышала голоса, но каждое слово падало как камень, — что у тебя проблемы с законом были.

На кухне повисла тишина. Катя округлила глаза.

Ника продолжала чистить яблоки. Нож двигался ровно, кожура спадала непрерывной спиралью.

— Было дело, Зинаида Павловна. Молодая была, глупая. Попала в плохую компанию.

— И что за дело? — не унималась повариха.

— Мошенничество с документами. Давно. Всё закрыто.

— А по телевизору не показывали? — Катя была уже на крючке.

— Вряд ли. Там всё мелко было.

Ника улыбнулась внутренне. *Мелко*. Да, конечно. Подделка паспорта для свидетеля по делу об убийстве — это мелко. Но сплетни распространятся. Горничная из посольства — отличный источник, Ника сама подкинула ей эту информацию полгода назад, через третьи

руки. Слухи должны были достичь ушей Михаила Аркадьевича ровно к тому времени, когда он решит проверять её прошлое.

И они достигли. Вчера она видела, как он разговаривал с Максом по телефону и упомянул её фамилию.

Идеальный ложный след. Он найдёт судимость за мошенничество, успокоится — всего лишь мелкая аферистка, не более. И не будет копать глубже. А за судимостью — чистота. Потому что Алессандра Де Лоренц умерла три года назад, и её досье закрыто грифом «секретно» в итальянских архивах.

Но Макс... Макс был полицейским. У него могли быть доступы. Этого Ника не учла — внезапное появление человека с реальными связями в органах. Это меняло расклад.

Она дочистила последнее яблоко, вытерла нож, убрала кожуру в мусорное ведро.

«Ничего, — подумала она. — Я справлюсь. Я всегда справлялась».

19:30. Гостиная, перед ужином.

Соня играла с куклами, Ника сидела рядом, вязала шарф — ещё один элемент образа: скромная, домашняя, вся в делах. Михаил и Макс спустились к ужину, Елена выплыла из спальни в чёрном платье и с укладкой, которую делала полдня.

— Ника, уберите ребёнка, — бросила она, не глядя. — У нас гость, нечего детям мешать.

— Я хочу с Максом! — заныла Соня. — Он мне про полицию обещал рассказать!

Макс рассмеялся, опустился на корточки.

— Приходи завтра, Соня. Расскажу, как мы бандитов ловим.

— А ты ловил бандитов?

— Бывало.

— А убивал?

Елена схватилась за голову.

— Ника, уберите её сейчас же!

Ника мягко, но твёрдо взяла Соню за руку, повела в детскую. Соня упиралась, но не сильно — она знала, что с Никой бесполезно спорить, когда та принимает такой тон: спокойный, как сталь.

— Почему мама всегда злая? — спросила Соня, когда дверь за ними закрылась.

Ника помогла ей залезть на диван, укрыла пледом.

— Твоя мама не злая. Она устаёт. Взрослые иногда устают и говорят резкие слова.

— А ты никогда не устаёшь?

— Устаю. Просто не показываю.

Соня задумалась, потеряла край пледа.

— А ты боишься чего-нибудь, Ника?

Вопрос повис в воздухе, как натянутая струна. Ника могла бы сказать «нет». И это была бы ложь. Она боялась. Не смерти — к ней была готова. Не боли — она прошла через худшее. Она боялась одного: что в последний момент, когда нужно будет нажать на спуск, когда Андреа будет корчиться в агонии, она почувствует не удовлетворение, а пустоту. Что месть окажется пшиком, воздушным шариком, который лопается и оставляет только нитку.

Но Соне она сказала другое:

— Боюсь, что ты вырастешь и перестанешь меня любить.

Соня рассмеялась.

— Глупая. Я буду любить тебя всегда.

Ника поцеловала её в лоб, выключила свет, вышла из детской. В коридоре она прислонилась спиной к стене и на минуту закрыла глаза.

«Ради тебя, — подумала она о Соне, — я сделаю так, чтобы такие люди, как Андреа, больше никогда не трогали детей».

Но это была ложь. Она делала это не ради Сони. Она делала это ради отца, чьё лицо она видела каждую ночь. Ради матери, чей крик до сих пор звучал в ушах. Ради брата, который хотел стать врачом, а стал пеплом.

Ника открыла глаза, поправила очки и пошла на кухню — готовить ужин для семьи.

Идеальная няня всегда знает, что делать.

23:10. Комната Ники.

Дом затих. Соня спала. Елена Аркадьевна приняла снотворное. Михаил Аркадьевич и Макс пили виски в кабинете — третий час разговаривали о чём-то, их голоса звучали приглушённо. Охрана снаружи патрулировала территорию.

Ника сидела за маленьким столиком у окна, ноутбук светился синим светом. Она открыла папку «Рецепты», набрала пароль из шестнадцати символов (день рождения отца, инвертированный, плюс код из старого семейного сейфа). Файлы открылись.

Синяя папка. Так она называла своё досье на Андреа Де Лука.

Там было всё: его распорядок дня за последние пять лет (восстановленный по кредитным картам, данным с телефона и показаниям бывшей любовницы, которую Ника нашла в Милане и заплатила десять тысяч евро за откровения). Его медицинская карта — астма, аллергия на арахис и моллюсков, проблемы с сердцем после пятидесяти. Его деловые связи, включая Гордеева. Его привычки — пьёт кофе только по утрам, после обеда переходит на чай, любит сладкое, но избегает шоколад.

Ника прокрутила досье до конца, где был написан план. Акт третий, суббота, 18:00.

1. Михаил и Елена уезжают с детьми на дачу. Искусственная причина — день рождения тещи. Ника остаётся в доме под предлогом уборки и подготовки к приёму гостя.

2. Андреа Де Лука приезжает в особняк в 14:00. Встреча с Михаилом в кабинете, обсуждение контракта. Ника подаёт чай.

3. В чай — дозировка аллергена No 5. Смертельная доза для астматика средней тяжести — 2 грамма. Замаскировано под сахар.

4. Андреа начинает задыхаться через 15-20 минут. Ника вызывает скорую (анонимно). Скорая фиксирует анафилактический шок. Смерть наступает до прибытия врачей.

5. Ника покидает дом через чёрный ход, меняет внешность по плану «Бегство», исчезает.

Всё просто. Всё идеально. Всё как она репетировала.

Кроме одного.

Соня. Если Ника исчезнет, девочка будет плакать. Может быть, заболит. Может быть, возненавидит всех взрослых. Ника не могла этого допустить. Она подумала о варианте — взять Соню с собой. Нет. Безумие. Её жизнь после убийства — это постоянное бегство, смена документов, одиночество. Ребёнку не место в этом аду.

Значит, придётся проститься. Написать письмо. Объяснить, что няня уехала далеко-далеко, но всегда её помнит. И надеяться, что через год Соня забудет.

Ника закрыла ноутбук. Встала, подошла к окну. На улице светили фонари, освещая мокрый асфальт. В окне, напротив, в гостевом крыле, горел свет — Макс ещё не ложился.

Она сняла очки, провела рукой по лицу. В отражении стекла мелькнула Алессандра Де Лоренц — красивая, с острым взглядом, без дурацкого пучка и без очков, которые делали её похожей на сову. Сейчас, в темноте, она позволила себе быть настоящей хотя бы минуту.

— Скоро, — прошептала она по-итальянски. — Presto, papà. Я покончу с этим.

Она надела очки обратно, стянула волосы в тугий пучок, заколола невидимками. Села на кровать, выключила свет и легла, глядя в потолок. Завтра — пятница. Последний день перед субботой. Последний день, когда она будет Никой Ивановой, идеальной гувернанткой.

А послезавтра она станет собой.

И мир изменится.

Но за три года он заметил. Как она гладит рубашки. Как знает вина. Как Соня её обожает. Как она никогда не ошибается.

Идеальность тоже привлекает внимание. Парадокс, с которым Ника боролась каждый день.

10:30. Комната для прислуги.

Пока Соня рисовала в своей комнате (Ника дала ей задание — нарисовать замок, где живут только храбрые принцессы), сама Ника делала вид, что чинит утюг. На самом деле она слушала радиосканер, встроенный в старый FM-приёмник, который стоял на подоконнике. Частота была перепаяна на перехват полицейских переговоров.

— ...внимание, поступил ориентировочный список лиц, прибывающих в аэропорт Внуково-3 в ближайшие 48 часов... — шипел голос диспетчера.

Ника записала несколько имён. Не тех, что были в ориентировке — обычные бизнесмены, пара чиновников. Но потом диспетчер сказал то, что она ждала:

— ...Де Лука Андреа, гражданин Италии, частный борт, ориентировочное время прибытия — суббота, 14:00.

Ника медленно выключила приёмник.

Суббота. Послезавтра.

У неё был ровно один день, чтобы подготовить всё. Синяя папка была готова, ключи скопированы, порошок — она назвала его про себя «аллерген No 5» — лежал в баночке из-под витаминов в её косметичке. Смесь арахисовой пыльцы, экстракта ракообразных и концентрированного гистамина. Смертельная для астматика. А Андреа Де Лука был астматиком. Она это знала из медицинской карты, которую её люди достали ещё два года назад.

Её люди. Сейчас их почти не осталось. Двое. Старый водитель, который работал на её отца, и девушка-хакер, которая сидела в подвале в Минске и взламывала всё, что нужно. Ника платила им из денег, которые сохранила после той ночи.

После той ночи, когда её семья сгорела.

Ника закрыла глаза и позволила себе три секунды воспоминаний. Запах гари. Крик матери. Отец, который успел сказать только одну фразу: «Беги, Алесса. Беги, и никогда не возвращайся, пока не будет готова».

Она не бежала. Она ушла. Медленно, с планом, с холодной головой. Сдалась в полицию по фальшивому обвинению, чтобы получить новую личность. Работала официанткой в Милане, потом уборщицей в Цюрихе, потом няней в Лондоне — каждый раз приближаясь к цели. К Де Лука. К человеку, который предал её отца.

И вот она здесь. В доме, куда он приедет через сорок восемь часов.

— Ника! — крик Сони разорвал тишину. — У меня получилось!

Ника открыла глаза, натянула маску обратно, поправила очки и улыбнулась.

— Иду, моя принцесса.

Она пошла в детскую, оставляя за собой тишину и мысли, которые кипели под поверхностью спокойного озера. В детской Соня показывала рисунок — замок с башнями и маленькой фигуркой в окне.

— Это я, — сказала девочка. — А это ты, Ника. Ты стоишь у ворот с мечом.

— Почему я с мечом?

— Чтобы защищать замок, — Соня посмотрела на неё очень серьёзно. — Ты же сильная, правда? Я знаю, ты сильная.

Ника на секунду замерла. Ей показалось, или в голосе семилетнего ребёнка прозвучало нечто большее, чем простая детская фантазия? Дети видят то, что взрослые прячут. Они нутром чувствуют правду.

Ника обняла Соню, прижала к себе.

— Правда, Сонечка. Я очень сильная. И я всегда защищу тебя.

Она сказала это и поняла, что это правда. Даже после того, что должно случиться в субботу, даже если всё пойдёт не по плану — эту девочку она не отдаст. Это стало её слабостью, её уязвимым местом, единственным, что она не предусмотрела в своей идеальной операции.

Семь лет назад мать Ники говорила ей: «Никогда не привязывайся, Алесса. Привязанность — это верёвка, которую враг может перерезать, чтобы ты упала».

Она была права. Но сейчас, держа в объятиях тёплое, пахнущее яблоками и кашей детское тело, Ника поняла, что уже всё равно. Поздно.

13:15. Обед.

За столом Ника подавала суп. Елена Аркадьевна снова была не в духе — она ругалась с кем-то по телефону, прикрывая трубку рукой и шипя неприличные слова. Михаил Аркадьевич сидел с каменным лицом. Соня ковыряла ложкой в тарелке.

— Пап, а кто приедет в субботу? — спросила девочка.

Михаил переглянулся с женой.

— Деловой партнер, Соня. Ты будешь с Никой в детской, не выходи.

— Я хочу посмотреть на него. Он иностранец?

— Итальянец, — машинально ответил Михаил.

Ника, стоявшая у стены с кувшином компота, почувствовала, как у неё свело пальцы на правой руке. Она разжала их, делая вид, что поправляет салфетку.

Итальянец. Андреа Де Лука. Убийца.

Она представляла эту встречу тысячу раз. В первый год — как горячечный бред, как сцена из дешёвого фильма: пистолет, крики, кровь на белых стенах. Но потом она поняла, что это глупо. Де Лука умрёт тихо, незаметно, так, что никто не свяжет его смерть с ней. Аллергическая реакция во время делового ужина. Сердечный приступ. Отек Квинке — звучит почти естественно для иностранца в чужой стране.

Главное — присутствовать на этом ужине. Подать кофе. Положить сахар. Добавить щепотку.

Она отрепетировала это движение тысячи раз, стоя перед зеркалом в своей маленькой комнате. Незаметно, как поправка причёски. Чайная ложка, край блюдца, поворот запястья. Пыльца растворяется без следа, не дает осадка.

Соня потянула её за рукав.

— Ника, ты обещала сказку после обеда.

— Да, Сонечка. Какую хочешь?

— Про принцессу-воина. Которая отомстила за своего папу.

Ника замерла.

Михаил поднял бровь. Елена фыркнула.

— Откуда у тебя такие сказки? — спросила она с раздражением. — Ника, вы что, рассказываете ей про войну?

— Это итальянская народная сказка, — голос Ники был ровным. — О девушке, которая спасла свою семью. Там нет жестокости.

— Ладно, только недолго. И спать в два.

Ника увела Соню в детскую, уложила в кресло-качалку, накрыла пледом и начала рассказывать. Голос был мягким, но слова — те, что настоящие. Она рассказывала не принцессу-воина. Она рассказывала свою историю, переложив её на язык метафор. Дракон, который убил короля. Принцесса, которая притворилась нищенкой. Дворец врага, куда она вошла с ключами, вырезанными из костей своего отца.

Соня слушала с открытым ртом, а Ника смотрела в окно. За стеклом шёл мелкий дождь. И в этом дожде, в этом сером сентябрьском небе она увидела своё будущее. После субботы. После того, как Андреа умрёт.

Она не знала, что будет дальше. Новая страна, новое имя, новая легенда. Или, может быть, смерть. Но сейчас, в этой комнате, рядом с девочкой, которая доверяла ей как родной, она чувствовала странный покой.

Сказка закончилась. Соня спала.

Ника поправила очки, встала, подошла к окну и посмотрела на ворота. Охранник скуривал сигарету в будке. Дорога была пуста.

«Я готова, — подумала она. — Приезжай, Андреа. Я ждала тебя три года».

Она улыбнулась собственному отражению в тёмном стекле — той улыбкой, которую никто не должен был видеть. Хищной, холодной, настоящей.

А потом убрала улыбку, вернула на лицо привычную маску тихой, скромной, немного глуповатой Ники Ивановой, идеальной гувернантки.

Идеальной няни.

Которая завтра встретит убийцу своей семьи.

Глава 2. Этикет и чужие тайны

Пятница, 6:15 утра. Комната Ники.

Она проснулась за час до будильника, как всегда. Но сегодня было не «как всегда». Сегодня было предчувствие, которое вибрировало в кончиках пальцев, в позвоночнике, в каждом нервном окончании.

Завтра.

Ника села на кровати, не включая свет. Серая московская заря пробивалась сквозь тюль, рисуя на полу полосы, похожие на решётку. Она перевела дыхание — три медленных вдоха, три выдоха, как учил старый инструктор по выживанию, которого нанял отец, когда Алессандре было шестнадцать. «Страх — это топливо, Алесса. Не позволяй ему сгореть до того, как ты нажмёшь на спуск».

Страх не было. Была холодная, кристальная ясность. Она прокрутила завтрашний день в голове в десятый раз: подъём, завтрак, отъезд семьи, подготовка гостевого дома, чай, доза аллергена, звонок в скорую, побег. Каждое движение отрепетировано до миллиметра.

Но сначала нужно пережить пятницу.

Ника встала, надела халат, выскользнула в коридор. Ванная была свободна — Катя ещё спала, Зинаида Павловна приходила только к семи. Она умылась ледяной водой, чтобы прогнать остатки сна, и посмотрела в зеркало. Без очков, без пучка, без формы. В отражении была Алессандра — бледная, но с живым, горячим взглядом, который не вязался с образом серой мыши.

— Ты почти у цели, — сказала она себе шёпотом по-итальянски. — Ещё один день.

Она надела маску: очки, пучок, платье, опущенные плечи. И вышла в мир.

7:00. Кухня.

Зинаида Павловна уже гремела кастрюлями. Катя протирала столы. Ника взялась за утюг — сегодня было шесть рубашек Михаила Аркадьевича и два платья Елены Аркадьевны. Глажка успокаивала: ритмичные движения, шипение пара, ткань, распрямляющаяся под горячим металлом.

— Слышали новость? — Катя говорила шёпотом, стреляя глазами в сторону столовой. — Хозяин сказал, что завтра важный гость. Итальянец. Елена Аркадьевна велела сервировку как для президента.

— А вы откуда знаете? — спросила Зинаида Павловна, не оборачиваясь от плиты.

— Сама слышала, они вчера с Максом в кабинете говорили. Этот итальянец — какой-то большой босс. Михаил Аркадьевич аж трясся, когда по телефону с ним разговаривал.

Ника продолжала гладить. Ни один мускул на её лице не дрогнул.

— А этот гость надолго? — спросила она как бы между делом.

— На субботу и воскресенье. Может, на понедельник. Елена Аркадьевна уже сказала, что дети в субботу уезжают на дачу к тёще, чтобы не мешали.

Дача к тёще. Ника это знала — сама подкинула идею Елене Аркадьевне две недели назад, когда та жаловалась, что «этот итальянский тип будет совать нос в воспитание». «Вы знаете, Елена Аркадьевна, — сказала тогда Ника своим тихим голосом, — а может, Соне лучше на даче побыть? И воздух свежий, и вы отдохнёте от дел». Елена ухватилась за идею, как утопающий за соломинку.

Идеальная няня всегда подкидывает идеи, которые выгодны её плану.

— А вы, Ника, остаётесь? — спросила Катя.

— Меня попросили подготовить гостевую комнату и помочь с приёмом. Так что да, остаюсь.

Катя понимающе кивнула. Зинаида Павловна что-то буркнула про «выслуживается». Ника не обратила внимания.

В 8:15 она отнесла рубашки в гардеробную хозяина. Дверь была открыта, и Михаил Аркадьевич стоял перед зеркалом, завязывая галстук. Увидев Нику, он обернулся.

— Доброе утро, Ника.

— Доброе утро, Михаил Аркадьевич. Я принесла рубашки.

— Поставьте на полку.

Она повесила рубашки, поправила плечики, собираясь уйти, но Михаил остановил её:

— Ника, подождите.

Она замерла, повернулась.

— Я хотел спросить... — он помялся, что было на него не похоже — обычно Михаил Аркадьевич говорил прямо, без колебаний. — У вас всё в порядке? Вы хорошо выглядите в последнее время.

Комплимент? От хозяина — гувернантке? Это было неуместно. Рискованно.

— Всё в порядке, Михаил Аркадьевич. Спасибо.

— Вы не думали о смене работы? — спросил он вдруг. — Я мог бы порекомендовать вас в...

— Нет, — ответила Ника быстрее, чем следовало. — То есть, спасибо, но я довольна своим местом. Соня для меня... важна.

Она чуть не сказала «как дочь». Вовремя остановилась.

Михаил посмотрел на неё с выражением, которое она не могла прочесть — смесь уважения и чего-то ещё, слишком тёплого, слишком личного.

— Хорошо. Идите.

Ника вышла, чувствуя, как между лопаток сверлит его взгляд. Это становилось проблемой. Если Михаил влюбится — или просто привяжется — он может начать копать глубже. Может попытаться защитить её. Может встать между ней и Андреа.

Этого нельзя допустить.

Она поднялась в детскую, где Соня уже проснулась и рисовала фломастерами на полу.

— Ника! Смотри, я нарисовала тебя!

На листе бумаги была женщина с огромными глазами (очки), пучком на голове и мечом в руке. Рядом — девочка, держащая её за юбку.

— Почему у меня меч, Сонечка?

— Потому что ты воин. Ты защищаешь меня.

Ника присела на корточки, обняла девочку. В горле встал ком, который она с трудом проглотила.

— Я всегда буду тебя защищать, Соня. Обещаю.

Это было обещание, которое она не могла сдержать. После завтра её не будет. Но в этот момент, в этой комнате, с бумажным мечом и детскими фломастерами, она хотела верить, что каким-то образом сможет остаться рядом. Хотя бы в памяти.

10:30. Кабинет Михаила. Разговор с Максом.

Ника мыла пол в коридоре второго этажа, когда услышала, как Макс и Михаил вышли из кабинета покурить на террасу. Дверь на террасу была стеклянной, и Ника видела их силуэты. Она не подслушивала специально — но и не уходила.

— ...я проверил твою няню, — сказал Макс, затягиваясь сигаретой.

Ника замерла, швабра застыла в руке.

— И что? — голос Михаила звучал безразлично, но Ника знала, что это притворство.

— Судимость за мошенничество, как ты и говорил. Три года назад, Италия. Подделка документов. Условный срок, потом переезд в Россию. Чисто.

— А больше ничего?

— А что ты хочешь? Она мелкая сошка. Наверное, попала в какую-то историю, отсидела тихо. Таких тысячи.

Ника выдохнула. Хорошо. Легенда сработала.

— Но есть один момент, — добавил Макс, и сердце Ники снова пропустило удар. — Её итальянские документы... они выглядят странно. Как будто их делали на скорую руку. Но возможно, просто бюрократия.

— Ты к чему ведёшь?

— К тому, что я бы на твоём месте приглядывал. Не потому что она опасна, а потому что у таких людей всегда есть прошлое, которое может всплыть. А у тебя завтра важный гость. Не надо лишних глаз.

Михаил что-то ответил, но ветер унёс слова. Ника вернулась к мытью пола, но мысли забегали быстрее. *Макс копнул глубже, чем я рассчитывала. Он нашёл не только судимость, но и странности в документах. Если он свяжется с итальянскими коллегами...*

Нет. Поздно. У неё осталось меньше тридцати часов. Макс может заподозрить что угодно, но к завтрашнему вечеру всё будет кончено.

Она дождалась, пока мужчины ушли в кабинет, и бесшумно проскользнула в свою комнату. Достала из-под матраса баночку из-под витаминов. Открыла. Внутри был сероватый порошок — аллерген No 5. Она понюхала — никакого запаха. Попробовала на язык кончиком ложки — никакого вкуса. Идеально.

Она пересыпала порошок в маленький стеклянный флакон с завинчивающейся крышкой — такой помещался в ладони и не звенел. Флакон она спрятала в карман форменного платья, который был подшит изнутри. Там же лежали отмычка и миниатюрный USB-накопитель со всеми данными.

Ключи от гостевого дома она скопировала ещё месяц назад. Слепки сделала, когда Катя попросила помочь помыть окна в гостевой спальне — у Ники было три минуты, пока горничная ходила за ведром. Оттиск на мыло, потом заливка эпоксидной смолой. Кустарно, но надёжно.

Оставалось только дожидаться.

13:00. Обед.

За столом сидели Михаил, Елена и Соня. Макс уехал по делам, обещал вернуться к вечеру. Ника подавала суп, стараясь не встречаться глазами с хозяином.

— Ника, — Елена отодвинула тарелку, — вы завтра остаётесь в доме. Приготовьте гостевую спальню: свежее бельё, цветы на столик, воду минеральную и обычную. В ванной — полотенца и халат. И проследите, чтобы в холодильнике была еда для гостя. Вегетарианское меню.

— Слушаюсь, Елена Аркадьевна.

— И не смейте выходить к гостю. Он человек нервный, не любит прислугу. Всё, что нужно, подадите через дверь.

Ника кивнула. Внутри она ликовала — не выходить к гостю? Отлично. Она и не планировала показываться ему на глаза до того момента, как подаст чай. Но план менялся: она подаст чай не лично, а через поднос? Нет, слишком рискованно. Придётся нарушить инструкцию — зайти в комнату, оставить поднос, уйти. Андреа даже не посмотрит на прислугу.

— А мы с Соней уезжаем в двенадцать, — продолжала Елена. — Ты, Миша, остаёшься встречать гостя?

— Да. Мы с ним поработаем пару часов, потом я приеду на дачу.

Ника заметила, как Михаил бросил на неё короткий взгляд. Она сделала вид, что не заметила.

15:30. Гостевая спальня.

Ника расстилала простыни — свежие, пахнущие лавандой. Комната была большой, с видом на сад, с камином и дубовой мебелью. Здесь Андреа проведёт свою последнюю ночь.

Он не будет спать — он умрёт за ужином или чуть позже. Но комната должна быть идеальной. Как всё в этом доме.

Она разложила полотенца веером, поставила воду, положила шоколадку на подушку — маленькая любезность. В кармане отглаженного халата, висевшего на двери ванной, лежал крошечный диктофон. Чтобы записать разговор Андреа с Михаилом. На всякий случай.

Закончив, Ника вышла, заперла дверь ключом (копия лежала в её кармане) и спустилась вниз.

В холле она столкнулась с Максом, который только что вернулся. Он был без куртки, в одной рубашке, и Ника заметила татуировку на его предплечье — герб спецподразделения. Значит, не простой полицейский, а бывший спецназ. Это усложняло побег. Такие люди замечают детали.

— Ника, можно вас на секунду? — спросил он, останавливаясь у лестницы.

— Слушаю вас.

— Вы давно работаете у Гордеевых?

— Три года.

— И вам нравится?

— Да. Хорошая семья, хорошие условия.

Макс посмотрел на неё в упор — взглядом, который раздевает не тело, а душу.

— А вы не скучаете по Италии?

Ника не дрогнула.

— Я не была в Италии, Макс. Я учила язык в России.

— Странно. Ваше произношение очень чистое. Как у носителя.

— Спасибо. Я много занималась.

Он кивнул, не спуская глаз. Потом улыбнулся — недобро, как-то по-волчьи.

— Ладно. Извините, что отвлек.

Он ушёл в кабинет, а Ника поднялась к себе. Руки слегка дрожали — первый раз за три года. Она села на кровать, сжала ладони в кулаки, заставила дрожь уйти.

Макс знает. Не всё, но достаточно, чтобы чувствовать запах. Он проверит её глубже. Возможно, сегодня вечером. Она должна ускориться.

Она открыла ноутбук, зашла в зашифрованный чат. Сообщение хакерше из Минска:

«Завтра в 14:00. После 18:00 сотри всё. Пароли, логины, аккаунты. Через неделю свяжусь с нового номера».

Через минуту пришёл ответ: *«Поняла. Удачи, босс».*

Босс. Ника усмехнулась. Она никогда не чувствовала себя боссом. Она чувствовала себя солдатом, который идёт в последний бой.

18:00. Детская. Последний вечер с Соней.

Соня сидела на коленях у Ники, и они читали книжку про храбрую принцессу. Девочка тыкала пальцем в картинки и задавала бесконечные вопросы:

— А почему принцесса не позвала на помощь рыцарей?

— Потому что она хотела справиться сама.

— А она боялась?

— Очень. Но страх не остановил её.

— А у неё были друзья?

— Был один. Маленькая девочка, которую она защищала.

Соня подняла голову, посмотрела Нике в глаза.

— Это я — та девочка?

Ника поцеловала её в макушку.

— Ты — самая храбрая девочка, которую я знаю, Сонечка.

— А ты уедешь когда-нибудь?

Вопрос застал врасплох. Ника замерла, книга выпала из рук.

— Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. У меня такое чувство. Как будто ты скоро уйдёшь. И я останусь одна.

Ника прижала девочку к себе так сильно, что Соня ойкнула.

— Я никогда тебя не оставлю, — прошептала она. — Даже если меня не будет рядом, я буду с тобой. В твоём сердце. Запомни это.

Соня кивнула, не совсем понимая, но чувствуя, что сейчас происходит что-то важное, что-то, что нельзя упустить.

— Ника, а почему ты всегда грустная? Даже когда смеёшься, ты грустная.

Потому что я потеряла всех, кого любила, подумала Ника. Потому что я несу смерть в этом доме. Потому что после завтра я стану чудовищем.

Вслух она сказала:

— Просто я устала, Сонечка. Но завтра я высплюсь и буду весёлой.

Она знала, что это ложь. Завтра она будет далеко.

20:30. Ужин. Звонок от Андреа.

Семья сидела за столом. Ника ушла в детскую — укладывать Соню спать. Когда она спустилась на кухню за травяным чаем, Михаил был в кабинете. Дверь была открыта, и она услышала его голос — громче обычного, официальный:

— Да, синьор Де Лука, всё готово. Завтра в два — встречаем вас в аэропорту? Нет? Сами доедете? Как скажете. Да, контракт подписываем в субботу вечером. Ждём.

Пауза.

— Что? Нет, никаких проблем. Дом полностью безопасен. Охрана круглосуточная. Персонал проверенный. Да, есть гувернантка, но она будет в своей комнате и не помешает. Как скажете. До завтра.

Звонок закончился.

Ника стояла у двери, не дыша. Он приедет сам. Без сопровождения. Или с охраной, но внедорожник въедет в ворота. *Завтра в два.*

Она налила чай, отнесла в столовую, где Елена ковыряла салат. Мимоходом посмотрела на часы на стене — 20:45.

Осталось семнадцать часов.

23:00. Комната Ники. Последние приготовления.

Дом спал. Ника сидела на кровати в темноте, перебирая содержимое своего тайного кармана: флакон с порошком, отмычка, USB-накопитель, маленький скальпель (на случай, если придётся вскрыть что-то быстро), презерватив с отпечатками пальцев (для ложного следа — она оставит его в машине Андреа, чтобы полиция думала о любовной связи). Всё на месте.

Она достала телефон, набрала сообщение на итальянском, но не отправила. Сохранила в черновиках.

«Отец. Завтра ты будешь отомщён. Жди меня там, где мы обещали встретиться. Твоя Алесса».

Она не отправит это никогда. Но текст был важен — как молитва, как обещание.

Ника легла, выключила свет. Но сон не шёл. Она смотрела в потолок и считала минуты.

В соседней комнате спала Соня. Внизу, в гостевой спальне, уже было приготовлено ложе для убийцы. В кабинете Михаил что-то печатал на ноутбуке — она слышала клавиши.

А где-то в Италии, или уже в самолёте, или в московском отеле, Андреа Де Лука готовился к завтрашней встрече. Он думал, что летит подписывать контракт. Он не знал, что летит на встречу со смертью.

Ника закрыла глаза и улыбнулась в темноте. Не улыбкой Ники Ивановой, идеальной гувернантки, а улыбкой Алесандры Де Лоренц, последней из рода, охотницы, которая наконец настигла добычу.

— Увидимся, Андреа, — прошептала она. — До завтра.

Глава 3. Обед для двоих

Суббота, 8:00 утра. Комната Ники.

Будильник не понадобился. Ника не спала всю ночь — не от страха или волнения, а от переизбытка энергии, которая кипела в крови, как перегретый пар. Она лежала на спине, глядя в потолок, и прокручивала завтрашний — уже сегодняшний — день снова и снова, как заезженную пластинку. Каждое движение, каждое слово, каждый вздох были отрепетированы.

В шесть утра она встала, приняла душ — ледяной, чтобы окончательно проснуться. Оделась: форменное платье, безупречно отглаженное, чулки, туфли на низком каблучке. Волосы стянула в пучок — ту же обычного, до лёгкой боли у корней. Очки протёрла мягкой тканью, надела на лицо.

В зеркале — Ника Иванова. Серая мышь. Идеальная няня.

Но сегодня под платьем, на поясе, крепилась маленькая кобура из мягкой кожи. В ней — «беретта» 22 калибра, которую Ника привезла из Италии три года назад, разобрал на части и спрятал в подкладке чемодана. Она не планировала её использовать — порошок был надёжнее, тише, чище. Но на всякий случай. Отец учил её: «Никогда не иди на дело без запасного плана».

Пистолет был заряжен. Предохранитель включён.

Ника поправила платье, чтобы оружие не выдавало себя даже намёком на выпуклость. Кобура сидела идеально — она шила её сама, по лекалам, которые нашла в интернете под видом выкройки для пояса.

Флакон с порошком — в кармане на поясе, с правой стороны, чтобы левой рукой (неосновной) добавить в чай. Отвлекающий манёвр: правая рука в это время поправляет салфетку или пододвигает блюдце. Она отрепетировала это движение четыреста тридцать семь раз. Мышцы запомнили.

Всё готово.

Она вышла из комнаты.

8:30. Кухня. Завтрак семьи.

Зинаида Павловна пекла блины — Елена Аркадьевна требовала «прощальный завтрак» перед отъездом на дачу. Катя натирала серебро. Ника наливала сок в графины.

— Ника, вы сегодня какая-то бледная, — заметила Катя. — Не спали?

— Бессонница, — ответила Ника ровно. — Волновалась за Соню. У неё вчера температура поднялась.

— А сейчас как?

— Нормально. Детский организм быстро справляется.

Враньё лилось легко, как вода. Температура у Сони была вчера вечером 37,1 — самую малость, но Елена Аркадьевна услышала «температура» и тут же решила, что девочку нужно везти на дачу, «подышать свежим воздухом». Идеально. Ника сама устроила этот небольшой жар — просто укутала Соню слишком тёплым одеялом и закрыла форточку. Этого хватило, чтобы градусник показал нужную цифру.

Соня прибежала на кухню растрёпанная, в пижаме.

— Ника! Ты поедешь с нами? Мама сказала, что ты остаёшься, но я хочу, чтобы ты поехала!

Ника присела на корточки, поправила девочке воротник.

— Сонечка, я останусь здесь, потому что нужно подготовить дом к приезду гостя. А ты поедешь с бабушкой, там будет весело. Я приеду завтра.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Ещё одна ложь. Последняя ложь для Сони. Сердце кольнуло, но Ника не позволила боли отразиться на лице. Она улыбнулась — той самой мягкой, тёплой улыбкой, которую девочка так любила.

— Привези мне с дачи яблок, — сказала Соня. — Там сладкие.

— Обязательно привезу.

Ника поцеловала её в лоб и поднялась. На пороге кухни стоял Михаил Аркадьевич — в костюме, при галстуке, свежесбрившийся. Он смотрел на сцену с Соней с каким-то странным выражением — то ли умиления, то ли ревности.

— Ника, можно вас на минуту?

Они вышли в коридор. Михаил замялся, потеревил запонку.

— Я хотел сказать... вы очень много значите для Сони. И для нас. Если вам когда-нибудь понадобится помощь — любая — обращайтесь.

— Спасибо, Михаил Аркадьевич. Я ценю это.

— И ещё, — он понизил голос. — Сегодня приедет важный человек. Я не хочу, чтобы вы с ним пересекались. Держитесь в своей комнате или в детской. Еда будет подаваться через поднос. Всё понятно?

— Да, Михаил Аркадьевич.

— Хорошо. Идите.

Она ушла, но краем глаза заметила, как Макс вышел из кабинета и обменялся с Михаилом многозначительным взглядом. Макс был в штатском, но Ника заметила, что под пиджаком у него тоже кобура. И пистолет побольше, чем у неё.

Охрана на высшем уровне. Значит, Андреа действительно важная шишка.

Ника поднялась в детскую, где Соня уже переделалась в дорожное платье и упаковывала рюкзак с игрушками.

— Возьми с собой мягкую зайку, — посоветовала Ника. — И книжку про принцессу.

— А ты не будешь скучать? — спросила Соня, засовывая зайку в рюкзак.

— Буду. Но я потерплю.

— Я тоже буду скучать. Можно я позвоню тебе вечером?

— Конечно. Я буду ждать.

Она поможет девочке застегнуть рюкзак, заправила выбившуюся прядь волос за ухо. Руки не дрожали.

10:45. Прощание у ворот.

Чёрный минивэн стоял у парадного входа. Водитель загружал чемоданы. Елена Аркадьевна, в дорогом спортивном костюме и с огромными солнцезащитными очками, разговаривала по телефону, не обращая внимания на дочь. Соня держала Нику за руку.

— Ты приедешь завтра? Точно?

— Точно, — сказала Ника, глядя девочке в глаза. — А сейчас слушайся бабушку. Не ешь много сладкого. И не дразни собаку.

— У бабушки нет собаки.

— Тогда не дразни бабушку.

Соня засмеялась. Михаил подошёл, взял дочь на руки.

— Поехали, маленькая. Попрошайся с Никой.

— Пока, Ника! Я тебя люблю!

— Я тебя тоже, Сонечка. Очень.

Соня чмокнула её в щёку, и Михаил посадил девочку в машину. Елена бросила на Нику короткий взгляд — небрежный, как на мебель — и села рядом. Дверь захлопнулась. Двигатель заурчал.

Минивэн выехал за ворота, и Ника осталась одна у парадного входа, провожая его взглядом, пока красные габаритные огни не скрылись за поворотом.

Всё. Семья уехала.

Осталась она, Михаил, Макс и охрана. И Андреа, который должен приехать через три часа.

Ника повернулась и пошла в дом. С этой минуты она перестала быть Никой Ивановой. Она стала Алессандрой Де Лоренц, дочерью покойного главы клана, и сегодня она совершит правосудие.

11:30. Подготовка гостевого дома.

Михаил и Макс ушли в кабинет — обсуждать контракт, звонить партнёрам. Ника спустилась в гостевую спальню, чтобы в последний раз проверить всё.

Свежее бельё пахло лавандой. Полотенца разложены веером. В вазе — свежие розы (она срезала их в саду вчера вечером, пока никто не видел). На столике — вода, стаканы, фрукты.

Диктофон в кармане халата работал — она проверила, заменив батарейку утром. Качество записи отличное, хватит на шесть часов. Этого достаточно.

Она открыла шкаф, проверила, нет ли в нём ничего лишнего. Пусто. Под кроватью — тоже. В ванной — нейтральное мыло, шампунь, гель для душа. Всё как в отеле.

Ника вышла, заперла дверь. Ключ — в карман.

В кухне она приготовила поднос для чая: фарфоровый сервиз (тот, которым пользовались только для важных гостей), заварной чайник, две чашки, сахарница, молочник. Сахарница была особенной — с двойным дном. Ника сделала её сама: в нижнем отделении — обычный сахар-рафинад, в верхнем — тот же сахар, но смешанный с аллергеном No 5. Когда она нальёт чай и положит «сахар» из верхнего отделения, порошок окажется в чашке.

Она положила в сахарницу три кубика чистого сахара — сверху. Под ними — пять кубиков, пропитанных раствором аллергена и высушенных. Ника проверяла: на вкус не отличаются, на вид — тоже. Только под микроскопом видна кристаллическая решётка, изменённая порошком.

Андреа положит себе в чай два кубика. Этого достаточно для смертельной дозы.

Ника накрыла поднос салфеткой и убрала в кладовку — чтобы не привлекать внимания.

12:15. Комната Ники. Последние приготовления.

Она села за ноутбук, открыла зашифрованный чат. Сообщение от хакерши: *«Все логины удалены. Аккаунты сброшены. Следов не осталось. Удачи, босс. Напиши, когда будешь в безопасности».*

Ника набрала ответ: *«Спасибо. Жди сигнала».*

Она закрыла ноутбук, выключила его, вытащила жёсткий диск. Жёсткий диск положила в пластиковый пакет, пакет — в карман куртки. Потом уничтожит.

Осталось дожидаться.

Время тянулось мучительно медленно. Ника спустилась на первый этаж, сделала вид, что протирает зеркала в холле. На самом деле она наблюдала за кабинетом, где Михаил и Макс разговаривали.

— ...я не доверяю ему на сто процентов, — это Макс. — Де Лука — хитрый лис. Проверь все пункты контракта сам, не полагайся на юристов.

— Я знаю, что делаю, — ответил Михаил. — Этот контракт — наш билет на европейский рынок. Без него мы застрянем в России навсегда.

— А цена? Связь с кланом? Если что-то пойдёт не так, ты сядешь.

— Не сяду. У меня есть Макс, который прикроет.

— Я не смогу прикрыть международный скандал, Миша. Будь реалистом.

Ника отошла от двери. Значит, Михаил знает, с кем связывается, но идёт на это ради денег. Типично. Она не осуждала — у каждого своя цена. Её ценой была жизнь Андреа.

13:00. Обед для охраны.

Ника приготовила обед для охранников — их было четверо, все в форме частного охранного предприятия. Они ели на кухне, не поднимая глаз на неё. Для них она была прислугой, предметом интерьера.

— Сегодня гость важный, — сказал один, жуя котлету. — Начальник сказал, чтоб глаз не спускали.

— Итальянец, мафиози, — добавил второй. — Такие любят сюрпризы.

— Наш клиент — не мафиози, — возразил третий. — Он бизнесмен.

— Один хрен.

Ника стояла у плиты, делая вид, что моет посуду. Она слушала, запоминала. Охрана не знает ничего конкретного — только общие слова. Это хорошо.

13:45. Звонок от ворот.

Внутренний телефон на кухне зажужжал. Ника сняла трубку.

— Слушаю.

— Гость подъехал, — голос охранника из будки. — Чёрный «Мерседес», номера итальянские. Открывать?

— Одну минуту.

Ника вышла в холл, позвала Михаила. Тот вышел из кабинера, поправляя галстук. Макс — за ним, рука на поясе, у кобуры.

— Он приехал, — сказала Ника.

— Вижу. Идите в свою комнату, Ника. Не выходите, пока я не позову.

Она кивнула и быстро поднялась на второй этаж. Но не в свою комнату — в детскую. Оттуда было видно окно на въездную аллею.

Чёрный «Мерседес S-класса» медленно ехал по гравийной дорожке. За рулём — водитель в тёмном костюме. На заднем сиденье — фигура. Когда машина остановилась у входа, дверь открылась, и Ника увидела его впервые за три года.

Андреа Де Лука.

Он был ниже, чем она помнила по фотографиям, — невысокий, коренастый, с седой щетиной и глазами, которые, даже на расстоянии, казались холодными, как лёд. Тёмно-синий костюм, белая рубашка без галстука, на ногах — дорогие туфли. Он говорил что-то водителю по-итальянски, жестикулируя.

Ника прижалась лбом к холодному стеклу.

— Buongiorno (Добрый день), Андреа, — прошептала она. — Benvenuto all'ultimo giorno della tua vita. (Добро пожаловать в последний день твоей жизни.)

14:00. Встреча в холле.

Ника слышала снизу голоса — Михаил приветствовал гостя, приглашал в кабинет. Макс что-то сказал по-итальянски — «Piacere di conoscerti» (приятно познакомиться), — и Андреа ответил с лёгким акцентом: «Il piacere è mio, signor...» Удовольствие мое, мистер

Они прошли в кабинет. Дверь закрылась.

Ника выждала пять минут, затем бесшумно спустилась на первый этаж. Подошла к двери кабинета — не вплотную, на расстоянии, чтобы не скрипнули половицы. Голоса были приглушёнными, но слова разбирались.

— ...контракт готов, синьор Де Лука. Осталось подписать.

— Подпишем после ужина. Сейчас я хочу обсудить детали. Платежи, логистика, безопасность.

— Всё, что вы скажете.

— Я слышал, у вас здесь проблема с местной полицией? Ваш друг — полицейский?

— Макс — мой личный контакт. Он не проблема, он решение.

— Посмотрим.

Ника отошла. Всё идёт по плану. Ужин — в 19:00. Чай — после ужина. У неё есть пять часов.

Она вернулась на кухню, проверила поднос с чайным сервизом. Всё на месте. Сахарница с двойным дном стоит в центре, рядом — чайные ложки, салфетки.

В 16:00 она заварила свежий чай — «Эрл Грей», который предпочитал Андреа (она узнала это от его бывшей любовницы). Чайник укутала в полотенце, чтобы не остыл. Поднос отнесла в гостиную, рядом с кабинетом — оттуда удобно подавать.

В 17:30 голоса в кабинете стихли. Михаил вышел, проводил Андреа в гостевую спальню — «отдохнуть перед ужином». Ника слышала, как хлопнула дверь, как щёлкнул замок.

У неё пересохло во рту.

18:00. Кухня. Последняя проверка.

Она достала флакон с порошком, проверила, что он на месте. Открыла сахарницу: три кубика чистого сахара сверху. Под ними — пять отравленных. Отлично.

Она вымыла руки, поправила платье, проверила очки. Всё идеально.

В кармане — телефон. Она написала сообщение, но не отправила: «Я готова».

18:45. Звонок из гостевого дома.

Ника услышала, как открылась дверь гостевой спальни. Шаги Андреа спустились по лестнице. Он вошёл в гостиную, где уже сидели Михаил и Макс.

— Я голоден, — сказал Андреа по-русски с сильным акцентом. — Что на ужин?

— Сейчас подадут, — ответил Михаил. — Ника!

Ника подождала три секунды, затем вышла из кухни с подносом. На подносе — салат, хлеб, вино. Она вошла в гостиную, опустила глаза.

— Добрый вечер. Что будете пить?

— Красное вино, — сказал Михаил.

— Белое, — сказал Макс.

— Воду, — сказал Андреа.

Он даже не посмотрел на неё.

Ника разлила вино, поставила воду, разложила салфетки. Всё это время она чувствовала себя призраком — её не видели, не замечали. Это было идеально.

Она ушла на кухню.

Через десять минут она понесла горячее — суп, потом основное блюдо. Каждый раз она входила в гостиную, ставила тарелки, уходила. Андреа ни разу не взглянул в её сторону. Для него она была частью мебели.

Ника улыбалась внутренне. *Ешь, Андреа. Наслаждайся последним ужином. Завтра ты будешь мертв.*

19:30. Чай.

Ужин подходил к концу. Ника слышала звон вилок, приглушённые разговоры. Потом Михаил сказал:

— Ника, чай!

— Сейчас, Михаил Аркадьевич.

Она взяла поднос с чайным сервизом. Проверила ещё раз — сахарница, чайник, чашки. Всё на месте.

Руки не дрожали.

Она толкнула дверь в гостиную и вошла.

— Чай чёрный, «Эрл Грей». Сахар, молоко?

— Два кусочка сахара, — сказал Андреа, не глядя.

Ника поставила поднос на стол. Налила чай в чашку Андреа. Затем взяла сахарницу, открыла крышку.

Левой рукой.

Правой в это время она поправляла салфетку на подносе.

Она взяла щипчики, положила в чашку два кубика. Верхние, чистые? Нет. Она чуть углубила щипчики, взяла кубики из среднего слоя. Те, что с аллергеном.

Положила.

Перемешала ложкой.

— Ваш чай, синьор.

— Grazie (Благодарю), — Андреа взял чашку, поднёс к губам.

Ника смотрела, как он делает глоток. Как ставит чашку на блюдце. Как берёт ещё один глоток.

Она хотела остаться, посмотреть, как яд начнёт действовать. Но нельзя. Она должна уйти, чтобы не вызывать подозрений.

— Ещё что-то?

— Всё, идите, — сказал Михаил.

Ника кивнула и вышла из гостиной. Но не ушла далеко. Она остановилась за дверью, прижалась спиной к стене.

Сердце колотилось как бешеное.

Она ждала.

19:35. Первый кашель.

— Извините, — голос Андреа. — Что-то в горле першит.

— Воды? — спросил Михаил.

— Да, пожалуйста.

Ника слышала, как наливают воду. Пауза.

— Проклятая аллергия, — проворчал Андреа. — В этом климате... у меня ингалятор в номере. Я сейчас.

Скрип стула. Шаги.

Ника отскочила от двери, сделала вид, что протирает зеркало в холле.

Андреа вышел из гостиной, пошёл к лестнице. Он дышал тяжело, с присвистом. Лицо покраснело. Он заметил Нику, но не обратил внимания — прошёл мимо, держась за перила.

Ника смотрела ему вслед.

Через пятнадцать минут он начнёт задыхаться. Через полчаса — умрёт.

Она ждала.

Глава 4. Шепот в комнате для прислуги

Суббота, 19:37. Холл особняка Гордеевых.

Ника стояла у зеркала с тряпкой в руке, провожая взглядом Андреа Де Лука, который медленно, тяжело дыша, поднимался по лестнице. Каждый шаг давался ему с трудом — он опирался на перила, и его широкая спина слегка сгибалась, словно под грузом невидимой тяжести.

Первый этап, — подумала Ника. *Отек слизистой гортани начинается через 10–15 минут после приема аллергена. Сначала кашель, затем одышка, затем — если доза достаточная — удушье.*

Она знала симптомы наизусть, как медицинскую карту, которую изучала годами. Андреа Де Лука был астматиком со стажем, его бронхи реагировали на любой раздражитель. Арахис и креветки были его смертельным врагом — и Ника соединила их в идеальной пропорции, усилив гистаминовой добавкой, которая ускоряла реакцию в три раза.

В кармане её форменного платья лежал маленький пузырек с антидотом — адреналин. Не для Андреа. Для неё, на случай, если порошок попадет на кожу или в дыхательные пути. Ника не была аллергиком, но осторожность — мать безопасности.

Она сделала три медленных вдоха, успокаивая сердцебиение.

— Ника? — голос Михаила из гостиной. — Вы там?

— Да, Михаил Аркадьевич. Протираю зеркала.

— Зайдите на минуту.

Ника отложила тряпку, поправила очки и вошла в гостиную. Михаил сидел за столом, перед ним — пустая тарелка и бокал с остатками вина. Макс стоял у камина, заложив руки за спину. Оба выглядели напряженными.

— Скажите, Ника, — начал Михаил, — вы не заметили ничего странного в чае? Гость сказал, что ему першит в горле.

— Всё было свежее, Михаил Аркадьевич. Чай заварен сегодня, сахар — новый. Может, у синьора аллергия на что-то из ужина? Креветки? Арахис?

— Не знаю, — Михаил потер лоб. — Он сказал, что у него ингалятор в спальне. Пойду проверю, как он.

Михаил встал, но Макс остановил его жестом:

— Я пойду. Ты оставайся, дозвонись врачу на всякий случай. Если у него приступ, скорая нужна будет.

Макс вышел из гостиной, бросив на Нику короткий взгляд — острый, оценивающий. Она опустила глаза, сложила руки на животе. Идеальная гувернантка не лезет в дела хозяев.

Михаил достал телефон, начал искать номер в записной книжке. Ника стояла в дверях, не решаясь уйти.

— Вы свободны, — сказал Михаил, не глядя. — Идите в свою комнату.

— Да, Михаил Аркадьевич.

Она вышла и направилась к лестнице. Но вместо того чтобы подняться на второй этаж, она свернула в коридор первого, который вел к чёрному ходу. Оттуда была дверь в подсобное помещение, а из подсобки — вентиляционная шахта, которая выходила прямо в гостевую спальню. Ника изучила планировку дома ещё год назад, когда делала вид, что помогает архитектору с перепланировкой.

Она открыла дверь подсобки, включила свет на минимум. В углу стоял старый пылесос и коробки с ёлочными игрушками. Ника отодвинула коробку, открыла вентиляционную решётку. Шахта была узкой, но достаточно широкой, чтобы просунуть голову и увидеть комнату через вторую решётку, расположенную под потолком гостевой спальни.

Она прижалась глазом к щели

19:42. Гостевая спальня. Глазами Ники.

Андреа сидел на краю кровати, тяжело дыша. Его лицо было красным, почти багровым, глаза слезились. Он рылся в дорожной сумке, стоявшей у ножки кровати, выкидывая вещи на пол — рубашки, носки, папки с документами.

— Cazzo... dove l'ho messo? (Чёрт... куда я его положил?) — бормотал он по-итальянски, голос прерывался, свистел.

Ника видела, как его руки дрожат. Ингалятор был в боковом кармане сумки — она знала это, потому что час назад, когда она заносила полотенца в ванную, она проверила сумку. Ингалятор был там, она переложила его в нижний отдел, под сложенные брюки. Теперь Андреа его не находил.

Она намеренно сделала это. Маленькая диверсия, чтобы отсрочить помощь. Без ингалятора приступ развивается быстрее.

В дверь постучали.

— Синьор Де Лука? — голос Макса. — Всё в порядке?

Андреа поднял голову, попытался ответить, но из горла вырвался только сиплый кашель.

— Я... помогите...

Макс, не дожидаясь ответа, открыл дверь (она не была заперта) и вошел в комнату. Увидел Андреа на кровати, его состояние, и сразу схватил телефон.

— Скорая, немедленно! — рявкнул он, даже не глядя в аппарат, просто нажав кнопку вызова. — Аллергический приступ, отек Квинке, мужчина шестьдесят лет, дыхание затруднено. Адрес — Рублёво-Успенское шоссе, 47.

Макс говорил быстро, четко, как человек, который делал это сотни раз. Он опустился на корточки перед Андреа, заглянул ему в лицо.

— Где ваш ингалятор? В какой сумке?

— Там... — Андреа махнул рукой в сторону дорожной сумки. — Я не могу... дышать...

Макс вытряхнул содержимое сумки на пол, быстро перебрал вещи, нашел ингалятор в нижнем отделе (Ника стиснула зубы — нашёл, чёрт бы его побрал) и поднес к губам Андреа.

— Вдохните! Глубже!

Андреа сделал два вдоха из ингалятора. Кашель немного стих, дыхание стало чуть менее свистящим, но лицо оставалось красным, и Ника видела, как отекают его веки, губы — анафилаксия прогрессировала.

Аллерген No 5 был сильнее обычной аллергии. Ингалятор мог только замедлить процесс, но не остановить его. Смертельная доза уже поступила в кровоток.

Ника отодвинулась от вентиляционной решетки, вытерла пот со лба. Сердце колотилось, но руки были спокойны.

Она вышла из подсобки, закрыла дверь, вернулась в холл. Пора было подниматься в свою комнату и ждать, пока приедет скорая. Всё шло по плану.

19:48. Комната Ники.

Она закрыла дверь, села на кровать. Ноутбук лежал в рюкзаке, готовый к уничтожению. Жесткий диск — в кармане куртки. Документы — в конверте под ковриком: новый паспорт на имя Елены Соболевой, купленный через хакершу в Даркнете¹, и билет на поезд до Минска на завтрашнее утро.

Ника достала телефон, открыла приложение новостей. Ничего. Полицейские сводки ещё не появились. Скорая приедет минут через пятнадцать-двадцать. Андреа умрёт через сорок минут-час.

Она должна была исчезнуть до того, как кто-то поймёт, что смерть была неестественной. Экспертиза покажет анафилактический шок — естественная причина, несчастный случай. Никто не будет искать отравление, потому что отравления не будет. Аллерген No 5 распадается на натуральные компоненты через шесть часов после смерти. Следов не останется.

Идеальное убийство.

Ника легла на спину, глядя в потолок. В голове проносились обрывки воспоминаний: отец, смеющийся за ужином в их доме в Неаполе. Мать, которая пела на кухне. Брат, учивший её стрелять из пистолета.

«*Alessa, ты должна быть сильной. Мир не прощает слабости*», — говорил отец.

Она была сильной. Она выжила. Она добралась до убийцы. Сегодня она завершит дело.

Снизу раздался шум — голоса, топот. Скорая приехала? Слишком быстро. Ника подошла к окну, выглянула. У ворот стояла машина, но не скорая — чёрный джип с тонированными стеклами. Из него вышли двое мужчин в тёмных костюмах, направились к входной двери.

Охрана? Люди Андреа?

Ника почувствовала, как холодная струйка страха пробежала по позвоночнику. Она не учла, что у Андреа могла быть личная охрана, которая приедет позже, отдельно от него.

Она выскользнула из комнаты, спустилась по чёрной лестнице на первый этаж. В холле уже были эти двое — Макс разговаривал с ними на повышенных тонах.

— ...синьор Де Лука наверху, с ним врач уже. Кто вы такие?

— Его телохранители, — ответил один из мужчин по-русски с сильным итальянским акцентом. — Нас предупредили, что у него приступ. Мы должны быть рядом.

— Врач сказал, что нужна скорая. Ждите внизу.

Телохранители переглянулись, но спорить не стали — сели в гостиной. Ника замерла за углом, слыша их разговор на итальянском:

— Патрон говорил, что чувствовал себя плохо ещё днём. Может, отравление?

— Не говори глупостей. У него аллергия. Он забыл ингалятор в машине, мы привезли.

— Запахло чем-то не тем. Этот русский — его партнёр — слишком спокоен.

— Присмотрим.

Ника отступила. Телохранители — неожиданная проблема. Если они начнут задавать вопросы, если потребуют экспертизу... Нет. Всё равно будет поздно. Андреа умрёт в течение часа. Без него телохранители не станут ничего доказывать — они просто уедут.

Но нужно было ускорить своё исчезновение. Ника поднялась в комнату, схватила рюкзак, сунула туда ноутбук, флакон с оставшимся порошком, фальшивый паспорт. Очки оставила — снимет перед выходом, изменив внешность.

В дверь постучали.

— Ника, — голос Михаила. — Выйдите на минуту.

20:10. Коридор второго этажа.

Ника открыла дверь. Михаил стоял с бледным лицом, тяжело дыша.

— Гость очень плох. Скорая через пять минут. Я хочу, чтобы вы спустились вниз и встретили врачей. Покажете им дорогу в гостевую спальню.

— Да, Михаил Аркадьевич.

Она вышла в коридор, но Михаил остановил её, взяв за локоть. Жест был неожиданным — его пальцы сжали её руку чуть выше запястья, там, где под платьем была татуировка.

— Ника, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Вы ничего не заметили странного за ужином? Может, еда была испорчена? Или...

— Всё было свежее, — повторила она ровно. — Я лично всё проверяла.

Михаил смотрел на неё странно — не как на прислугу, а как на человека, которому он хотел бы верить, но не может. В его глазах мелькнула тень сомнения.

— Ладно. Идите.

Ника спустилась вниз. На улице уже слышалась сирена — скорая подъезжала к воротам. Она вышла на крыльцо, подождала, пока машина остановится. Из неё выпрыгнули двое — врач и фельдшер, с кислородным баллоном и чемоданчиком.

— Где пациент? — спросил врач, женщина лет сорока с усталыми глазами.

— На втором этаже, гостевая спальня. Я проведу.

Она повела их вверх по лестнице. В гостевой спальне уже были Макс и телохранители. Андреа лежал на кровати, его лицо приобрело синюшный оттенок, дыхание было хриплым, прерывистым. Он уже не мог говорить.

Врач быстро осмотрела его, измерила давление, послушала лёгкие.

— Анафилактический шок, тяжёлая степень. Адреналин, кислород, и в реанимацию, срочно.

Фельдшер начал подключать баллон, врач достала шприц. Ника стояла в дверях, наблюдая. Она знала, что шансов мало. Адреналин мог вытащить его, но доза аллергена была рассчитана на то, что даже реанимация не поможет, если прошло больше двадцати минут.

С момента приёма чая прошло уже сорок минут.

Врач сделала укол адреналина, надела кислородную маску. Андреа судорожно вздохнул, его грудная клетка поднялась, но выдох был снова хриплым.

— Нестабилен, — сказала врач. — Нужно в больницу. Помогите перенести.

Мужчины подхватили Андреа, вынесли из спальни. Ника отошла в сторону, пропуская их. В коридоре телохранители пошли следом, Макс — за ними, Михаил замыкал шествие.

Ника осталась одна в пустой гостевой спальне.

20:20. Гостевая спальня. Десять минут одиночества.

Она быстро оглядела комнату. Везде бардак — вещи Андреа разбросаны, ингалятор валяется на полу. Она подошла к кровати, проверила, не оставила ли каких-то следов. Нет. Сахарница осталась внизу, в гостиной, но Ника забрала оттуда отравленные кубики, когда убирала со стола — просто положила их в карман, пока никто не видел. Сейчас они лежали в пакетике в её рюкзаке.

Всё чисто.

Она уже собралась уходить, как заметила на тумбочке телефон Андреа — старый «Айфон» в кожаном чехле. Он забыл его в спешке. Ника взяла телефон, проверила — он был разблокирован.

Вот она, золотая жила. Контакты, сообщения, возможно, данные о сделках, которые могли бы пригодиться, если бы ей нужно было что-то ещё. Но ей не нужно. Андреа умрёт, и с ним умрёт его клан.

Но телефон мог быть опасен — если бы полиция нашла в нём что-то, что связывало бы её. Ника хотела выключить его, но увидела входящее сообщение. От кого-то по имени «Enzo»:

«Capo, ci sono problemi. La polizia italiana ha riaperto il caso De Lorenzo. Qualcuno ha dato un soffiato. Sei sicuro che sia morta?»

(«Босс, проблемы. Итальянская полиция переоткрыла дело Де Лоренц. Кто-то дал наводку. Ты уверен, что она мертва?»)

Ника замерла.

Полиция переоткрыла дело. Кто-то дал наводку. Это мог быть её старый информатор? Или хакерша? Или случайность?

Она прочитала сообщение ещё раз, потом нажала «удалить». Телефон положила обратно на тумбочку. Не её забота.

Снизу хлопнула дверь — скорая уехала, увозя Андреа. Ника подошла к окну и увидела, как машина с мигалками выезжает за ворота.

Телохранители поехали следом на джипе. Макс и Михаил остались на крыльце, о чём-то говорили.

Ника поняла, что у неё есть максимум час, чтобы исчезнуть. До того, как Михаил вернётся в дом и начнёт задавать вопросы. До того, как телохранители сообщат, что Андреа мёртва.

Она быстро вышла из гостевой спальни, спустилась в свою комнату, схватила рюкзак. Сняла очки, бросила их на кровать. Распустила пучок — волосы упали на плечи тяжёлой светлой волной. Сняла форменное платье, надела чёрные джинсы, свитер, кроссовки.

В зеркале — Алессандра Де Лоренц. Бледная, но с горящими глазами. Ника достала из косметички красную помаду — единственную косметику, которую она носила в той жизни. Нанесла.

Улыбнулась.

— Сiao, (Пока) Ника Иванова, — сказала она своему отражению. — Было приятно.

Она взяла рюкзак и вышла из комнаты, спустилась по чёрной лестнице. Чёрный ход выходил в сад. Оттуда — калитка, ведущая на соседнюю улицу, где её ждало такси. Она заказала его онлайн два часа назад.

На улице было темно и сыро. Моросил дождь.

Ника — уже не Ника — перелезла через невысокий забор (охрана была только спереди), вышла на тихую улицу. Такси стояло у обочины, водитель курил, глядя в телефон.

— Вы Елена? — спросил он, увидев её.

— Да, — сказала Ника новым голосом. — В аэропорт, пожалуйста.

Она села в машину, захлопнула дверь. Такси тронулось.

Ника обернулась. Особняк Гордеевых исчезал в темноте, огни становились всё меньше, пока не превратились в точку.

Она выдохнула. Впервые за три года она позволила себе расслабить плечи.

Всё кончено.

Но в кармане всё ещё вибрировал телефон — сообщение от неизвестного номера. Она открыла его:

«Он выжил. Адреналин сработал. Андреа Де Лука в реанимации, состояние стабильное.

Твой план провалился.»

Ника уставилась в экран. Мир качнулся.

Как? Доза была смертельной. Она всё рассчитала.

— Всё в порядке? — спросил водитель.

— Да, — сказала Ника, пряча телефон. — Всё отлично.

Но внутри неё поднималась волна ледяного бешенства, смешанного со страхом. Андреа жив. И теперь он будет искать того, кто его отравил.

А она была единственной, кто подавал ему чай.

Глава 5. Человек вчерашнего дня

Суббота, 20:45. Такси, трасса на Москву.

Телефон выпал из рук Ники и упал на сиденье между ног. Она не сразу его подняла — смотрела прямо перед собой, на мокрый асфальт, по которому скользили жёлтые полосы встречных фар. Дворники ритмично шуршали по стеклу, сгоняя воду. В салоне пахло дешёвым освежителем и табаком.

— Барышня, вы в аэропорт или нет? — водитель покосился на неё в зеркало заднего вида. — Мне маршрут держать?

— Да, — ответила Ника чужим голосом. — В аэропорт. Шереметьево.

Она нагнулась, подняла телефон. Экран ещё светился, сообщение от неизвестного номера висело перед глазами. Ника перечитала его трижды, надеясь, что это ошибка, что она ослышалась, что текст изменится.

«Он выжил. Адреналин сработал. Андреа Де Лука в реанимации, состояние стабильное. Твой план провалился.»

Кто прислал это сообщение? Хакерша? Старый информатор? Или кто-то, кто следил за ней? Ника проверила номер — он был скрыт, зашифрован. Только три человека в мире знали её настоящий номер, и все они были частью её сети. Она быстро набрала ответ:

«Кто это? Подтвердите личность.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.